

Б. В. Орехов

К КОЛИЧЕСТВЕННОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ НАИВНОЙ ПОЭЗИИ: СТРОКИ-ШАБЛОНЫ

Исследование поэзии, взятое в целом, находится в точке неопределенности относительно своего предмета. С одной стороны, сциентистские модели приучили нас к тому, что в своем объекте наука должна искать общее и типическое. С другой стороны, само осознание уникальности каждого выдающегося поэтического произведения подталкивает к уяснению его особенностей, что, впрочем, тоже требует знания об обобщённом фоне, но это не всегда в достаточной мере учитывается конкретными исследователями. В то же время существует область поэтического, не способная гипнотизировать фигуру исследователя своей особенной ролью для культуры и, следовательно, не способная порождать неопределенность в выборе методов анализа. Это наивная поэзия, корпус поэтических произведений, создаваемых непрофессиональными литераторами, получившими благодаря Интернету возможность делать свои тексты широко доступными. Обращение к этой категории стихотворных текстов позволяет исследователю сосредоточиться на описываемом количественно типическом. Кроме того, существенным является и то обстоятельство, что когда мы говорим о наивной поэзии, речь всегда идет о творческой продукции непрофессиональных литераторов, создающих свои произведения с оглядкой на высокие образцы, но неспособных сочинить что-то равновеликое им по качеству. Это значит, что, рассматривая материал наивной поэзии, мы изучаем не некоторую «другую» поэзию, а своеобразную проекцию высокой литературы, пропущенной через призму восприятия массовым сознанием, обладателем которого почти наверняка является литератор-любитель. Такой подход, по нашему мнению, позволит через изучение феномена наивной поэзии понять многое и о высокой поэзии, и об ее восприятии массовым читателем.

Наивной литературе уже посвящено некоторое количество исследовательских этюдов [2; 3], которые пока не предоставляют точных

Орехов Борис Валерьевич — Москва, Высшая школа экономики, факультет филологии, кандидат филологических наук.

© Орехов Б. Е.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00363 «Языковые параметры философских и поэтических текстов в России и Европе XIX—XXI вв.»).

критериев для отделения этого типа текстов от профессиональной (высокой) поэзии. Мы подходим к этому вопросу формально. Наличная ситуация отражает следующую реальность: профессиональные литераторы, включенные в актуальный литературный процесс, не размещают свои произведения на чрезвычайно популярном среди непрофессиональных литераторов интернет-ресурсе Стихи. ру¹, поэтому за точку отсчета в формировании нашей выборки наивной поэзии мы берем критерий появления текстов на этом сайте.

В нашу выборку попало творчество 228 640 авторов с указанного сайта, которое составляет порядка 471,6 млн. словоупотреблений (4 983 439 стихотворений). Автоматическими средствами мы искали в этом текстовом массиве повторяющиеся строки (строки — в строгом или стиховедческом смысле, то есть текстовые фрагменты, отграниченные друг от друга переводом строки), предполагая увидеть за ними либо частотные цитаты из высокой поэзии (или поэзии, признаваемой наивными авторами в качестве таковой; например, спорная для многих фигура В. С. Высоцкого является для массового автора бесспорно авторитетной, см. [4]), либо автономно сформировавшиеся в среде наивных литераторов строки-шаблоны. В дальнейшем изложении цифры означают количество вхождений строк в текстах разных авторов, то есть повторения строки у одного автора при подсчетах не учитывались.

За вычетом заглавий и оформительских строк («припев тот же», «продолжение следует»), отделить которые от собственно стихотворных фрагментов пока нет технической возможности, верхняя часть частотного списка строк выглядит следующим образом (таблица 1)².

Таблица 1

Наиболее частотные строки

№	Строка	Частотность
1	раз два три четыре пять	508
2	надежда вера и любовь	463
3	я не хочу тебя терять	379
4	я тебя никогда не забуду	379
5	я тебя никому не отдам	358
6	я хочу быть с тобой	331
7	я не могу тебя забыть	313
8	я скучаю по тебе	290
9	я так хочу тебя обнять	261
10	от заката до рассвета	251
11	в день святого валентина	251
12	у каждого своя дорога	246

¹ <http://stihi.ru>. Автор благодарит «Поиск Mail.ru» за предоставленные для исследования данные.

² Тексты приводятся в орфографии и пунктуации авторов.

№	Строка	Частотность
13	все мысли только о тебе	245
14	закружилась голова	227
15	мне уже все равно	225
16	плывут по небу облака	205
17	баю баюшки баю	200
18	и больше ничего не надо	196
19	мне больше ничего не надо	188
20	не сотвори себе кумира	184

В этом списке обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Во-первых, две строки (на первой и семнадцатой позициях) представляют собой цитаты из фольклорных произведений: детской считалки и колыбельной. Примеры, естественно, множественны: «Раз, два, три, четыре, пять! / Я хочу тебе сказать. / Раз, два, три, потом четыре! / Нет тебя прекрасней в мире» (автор с сетевым псевдонимом *garkalov1*); «Раз, два, три, четыре, пять. / Будем гномиков считать» (*Losharik*); «Раз, два, три, четыре, пять... / Вот и встретились опять. // Это я, твоя тоска, / Моя подпись — горсть песка» (*faraon621*).

При этом классические поэты также не избегали введения этой строки в свои тексты, хотя и не в произведениях первого ряда: «Вижу, вижу! потянулись: / Раз, два, три, четыре, пять... / Заструились, покачнулись, / Стало три опять». (А. А. Фет «Ночь крещенская морозна...», 1842); «Раз, два, три, четыре, пять, / Бегом тени не догнать». (В. Я. Брюсов «Детская», 1901); «Раз, два, три, четыре, пять, / Вышел зайчик погулять, / Вдруг охотник прибегает, / Прямо в зайчика стреляет» (Д. Бедный «Даем!!», 1934; в данном случае полное цитирование стихотворения Ф. Б. Миллера 1851 года).

«Баю баюшки баю... / Дрёму-Сон к тебе зову / Дрёма-Сон пришёл сюда / смотрит ласково в глаза» (*van_vnn*); «Баю-баюшки, баю, / Тебе песенку спою / Про слона и про мартышку, / Про трусливого зайчишку, / Про собаку и кота, / И про петю-петуха» (*annakul*). В то же время укажем такой случай в высокой поэзии: «Из берцовой из кости / Будет деревце расти, / Будет деревце шуметь, / Про девицу песни петь, / Про девицу песни петь, / Сладким голосом звенеть: / «Баю, баюшки, баю, / Баю девочку мою!» (Н. А. Заболоцкий «Искушение», 1929).

Во-вторых, большая часть строк представляет собой репрезентации личных (вернее, межличностных) переживаний. По отношению к половине шаблонов в приведённом списке можно твердо сказать, что они относятся к классу словесных формул, связанных с темой любовных отношений. По всей видимости, это основное тематическое наполнение наивных текстов. И именно эти формулы гораздо труднее найти в классической русской поэзии. Для строки, находящейся на третьей позиции, мы обнаружили единственный контекст у автора далеко не первого ряда: «Я суеверна и

скупа, / Мне ревность жжет и сушит кровь, / Я не хочу тебя терять, / Моя последняя любовь!» (Е. Г. Полонская «Ты спрашиваешь, почему...», 1926). Строки с 4-й по 9-ю в высокой русской поэзии XVIII — первой трети XX века не обнаруживаются. Единственное исключение — текст М. И. Цветаевой «Солнце — одно, а шагает по всем городам...» (1919), где встречается стих «Солнце мое! Я тебя никому не отдам!», не вполне удовлетворяющий нашему критерию, так как искомая фраза в нём не является полной строкой.

В-третьих, от поэзии, являющейся производной классической русской поэзии, мы бы ожидали господства строк-шаблонов, вписывающихся в метрическую схему ямба — самого популярного размера в русской поэтической истории. Производная должна не просто отражать основные особенности оригинального объекта, но усиливать эти особенности. Обратное не доказано, так как мы не установили, какой метр чаще всего используется в произведениях из нашей выборки (а то, что большая часть наивной поэзии метризована и не подвержена влиянию верлибра, несомненно), однако среди наиболее популярных строк-шаблонов мы не обнаруживаем явного преобладания ямбических строк: как ямбические могут быть интерпретированы 10 строк. Это внушительное число (половина), но всё же не подавляющее. Еще 6 строк вписываются в хореическую схему, и неожиданно много — 4 — являются анапестом. В то же время данные, сообщаемые М. Л. Гаспаровым об истории русского стиха [1, с. 316], являют другие пропорции. Во временном промежутке 1740—1980 годов ямб, если несколько округлить цифры, используется в три раза активнее хорей (в некоторые эпохи разрыв больше, но никогда не меньше). Соотношение 10:6 в нашем списке, конечно, показательно. Что касается анапеста, то хотя его доля и растёт по отношению к другим трехсложным размерам в течение 1880—1980, всё же статистические данные никак не могут предсказать его доминирование среди трехсложников или приближение к хорю. Разумеется, не следует думать, что наши данные каким-либо образом говорят о количественных пропорциях метров в общем корпусе наивной поэзии: в данном случае мы рассматриваем только строки-шаблоны. И все же наиболее «поэтично» звучащие для наивных авторов текстовые фрагменты воспроизводят метрические схемы ямба, хорей и анапеста, но не дактиля или амфибрахия.

Наконец, на двадцатом месте в приведённом списке появляется цитата из определенно атрибутируемого источника, гораздо более литературно нагруженного, нежели фольклорные тексты. Библиизм «не сотвори себе кумира» активно используется и в высокой поэзии: «Я думал: ветреный певец, / Не сотвори себе кумира, / Перебесилась наконец / Твоя проказливая лира...» (А. С. Пушкин, «Недавно я в часы свободы...», 1822);

«Не сотвори себе кумира, / У ног бездушной красоты / Не трать высокие мечты!» (Е. П. Ростопчина, «Слова для музыки, 1856) ««Не сотвори себе кумира» — / Забыла я святой завет: / И вот теперь... одна средь мира — / И у меня надежды нет!..» (Т. Л. Щепкина-Куперник, «Марьянна Волховская», 1907). Так же легко прецедентная строка встраивается в произведения наивных авторов: «Не сотвори себе кумира / из человеков на Земле» (*frizia*); «Не сотвори себе кумира, / И прошлое не вороши: / Заплачена за счастье вира / И сдачей брошены гроши» (*mioritza*); «Не сотвори себе кумира / ни из пера, ни из мундира, / ни из придуманного бога, / ни из червонца золотого» (*afkolosok*).

Некоторые предварительные выводы, которые можно сделать (сознавая их неполноту) из этого краткого обращения к строкам-шаблонам наивной поэзии, как нам представляется, состоят в следующем. В конструировании строк с помощью шаблонов наивная поэзия похожа на высокую в части использования цитат из деперсонализированных источников (фольклора, священных текстов), но не склонна обвальюно заимствовать строки, восходящие к авторским произведениям классической литературы. Нужно оговориться, что такие цитаты в текстах авторов *stihī. ru*, конечно, присутствуют и присутствуют обильно, но среди самых частотных строк-шаблонов мы их не увидели. Кроме того, самой непохожей на классическую областью наивной поэзии является описание чувств и душевных переживаний, обычно восходящее к формулам бытового языка, контекстуально наделяемым особым «поэтическим» звучанием.

1. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000.
2. До и после литературы: тексты наивной словесности / сост. А. П. Минаева; отв. ред. Е. Е. Жигарина. М., 2009.
3. «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001.
4. Орехов Б. В. Цитирование текстов В. С. Высоцкого в текстах современных наивных поэтов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. Часть 2. С. 141—143.